

УДК 130.2(470.54)

Горнозаводская культура Урала: перекресток цивилизаций

Крутеева Ольга Владимировна

Аспирант,
Гуманитарный университет,
620041, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3;
e-mail: kruteevaolga@mail.ru

Минина Ольга Юрьевна

Аспирант,
Гуманитарный университет,
620041, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3;
e-mail: o-minina@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию феномена уральской культуры, факторов, которые повлияли на ее формирование и обусловили ее самобытность. С точки зрения исторического аспекта авторы статьи рассматривают взаимопроникновение этнических и региональных культур на всем протяжении освоения Урала представителями разных народов и этнических групп. В статье также отмечается влияние природных и социальных факторов на формирование горнозаводской культуры края, подчеркивается роль старообрядцев и петровской индустриализации в становлении особенностей этой горнозаводской культуры. Отдельно выделены проявления самобытной уральской культуры в характере уральцев, изделиях народных художественных промыслов. При этом речь идет не столько об их традиционном воплощении, а в большей степени об интерпретации традиций и архетипов культуры Урала в современном искусстве. Кроме этого в статье поднимаются вопросы возможности сохранения этого богатства через социально-культурные практики туризма и гостеприимства, упоминается проблема имиджбилдинга (в том числе с точки зрения развития туризма) уральских городов, намечаются возможные пути работы для более полного раскрытия и репрезентации особенностей уральской культуры в современных социально-культурных практиках туризма и гостеприимства.

Для цитирования в научных исследованиях

Крутеева О.В., Минина О.Ю. Горнозаводская культура Урала: перекресток цивилизаций // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 5А. С. 305-316.

Ключевые слова

Культура Урала, горнозаводская культура, традиция, архетип, народные художественные промыслы, социально-культурные практики, туризм, гостеприимство.

Введение

В Екатеринбурге есть замечательный Музей Невьянской Иконы, в котором собрана коллекция икон горнозаводского Урала. Основатель музея – специалист по Невьянской иконе, мэр Екатеринбурга Евгений Ройзман – говорит о том, что приезжающие в музей итальянцы с удивлением отмечают сходство наших уральских икон с иконами итальянскими. Откуда? Почему? Как сформировались эти стилистические особенности? Такие вопросы возникают, не только глядя на работы невянских мастеров. Многие изделия декоративно-прикладного искусства и народных художественных промыслов несут в себе стилевые загадки, ответы на которые скрыты в истории формирования уральской культуры.

Культура Уральского края рождена из сложного наложения культур разных народов, издавна населявших регион. Он всегда отличался значительным этнокультурным разнообразием. Результаты Всероссийской переписи населения 2010 года в Свердловской области показывают, что тут живут представители более 120 национальностей. Можно ли считать культуру Урала чем-то самобытным, представляющим нечто большее, чем простая совокупность элементов этих 120 культур? Или это «мазки», из которых слагается многоликая картина культуры Урала? Как специфика жизни в горнозаводском крае повлияла на формирование этой культуры?

В данной статье мы попытаемся выявить особенности горнозаводской культуры края и возможности сохранения и приумножения богатства ее проявлений через разнообразные социокультурные практики.

**Исторические предпосылки формирования
особой горнозаводской культуры Урала**

Культура Урала, являясь составной частью культуры России, вместе с тем представляет собой относительно самостоятельное явление, обладающее собственными закономерностями и логикой развития. Говорят даже о существовании особой «культурной матрицы» Урала. «Урал всегда – место встречи. Встречи Европы и Азии; Руси и Сибири; христианства, мусульманства и язычества; славян, тюрков и финно-угров. И зона этой встречи – зона преобразования. Появление чего-то нового – третьего, получившегося из первых двух» [Иванов, www].

Пытаясь выявить своеобразие горнозаводской культуры, нельзя обойтись без истории формирования той общности уральцев, которая и создала эту культуру.

Уже на этапе заселения Урала древними людьми край становится «местом встречи» разных культур и народов. Освоение региона происходит сразу с нескольких сторон: с Русской равнины, с Кавказа, из Средней Азии и Сибири. К концу I – началу II тысячелетия нашей эры на территории края формируется несколько этнических групп, считающихся коренными: ненцы на севере, ханты и манси вдоль реки Обь, башкиры на юге по течению Уфы и некоторые другие.

Дальнейшее развитие уральской культуры происходит за счет становления края как торгового региона. «Издавна Югрою и лежащими за нею землями интересовались торговые люди из Волжской Болгарии, а вслед за ними и зарубежные «гости» из далеких «полуденных» стран» [Косарев, 2003, 7].

Вогулы меняли на соболиные шкуры мечи и сабли, изготовленные мастерами Ирана, серебряную и медно-бронзовую посуду иранского и византийского происхождения. Часто выступая посредниками между болгарскими купцами, приполярными и заполярными странами, уральские народы впитывают в себя и свою культуру образы и архетипы и тех, и других. Такое смешение культур нашло отражение в изделиях пермского звериного стиля, сюжеты которого имеют много общего как с Печерскими, так и с Обскими изделиями художественно-прикладной мелкой металлопластики. Изображения лося, человека-лося, ящера, птицы с личиной человека на груди, всадника являются общими для всех этих территориальных стилей, что подтверждает их угорское происхождение. Однако в Пермском стиле, в сюжетах и технологиях литья ряд исследователей видят влияние ираноязычных племен сарматов и аланов, смешавшихся тут с представителями ломоватовской и неволинской культур. Так, монстр Вэс, плывущий на спине огромной щуки, явно заимствован с иранских блюд, где встречается изображение быка, стоящего на огромной рыбе, плывущей в Мировом океане; трехглавый орел существовал в мифах ираноязычных скифов, а крылатые псы – в иранских [Эренбург, 2013, 6].

Славянское население начинает появляться на Урале в XIII веке, идя из новгородских земель и расселяясь на территории северного Предуралья. Логическим завершением этого процесса становится присоединение Перми Великой к Русскому государству в 1472 году. Со второй половины XIV века начинается постепенная христианизация (в других районах – исламизация) Урала. На Урале и христианство, и ислам легли на мощнейшую толщу язычества, воплотившись в мансийских идолах-«шайтанах», а позднее – в уникальной Пермской деревянной скульптуре, которая стала самым настоящим вызовом православию, где святых традиционно не изображают в круглых скульптурных формах. В результате важным культурным своеобразием Урала стало мирное сосуществование мусульман, христиан и язычников.

Значительные изменения в быте, роде занятий и культуре местного населения начинают происходить во второй половине XVI века, когда на Урале появляются Строгановы [Головчанский, Мельничук, 2005, 8]. Во многом благодаря им развивается производство декоративной керамики, появляются изразцовые печи, начинает использоваться стеклянная

посуда, поливная и чернолощенная московская керамика. А вскоре здесь появляются и собственные школы изготовления изразцов.

После присоединения Казанского ханства к Русскому государству уральские земли начинают активно заселяться народами Среднего Поволжья – удмуртами, татарами, марийцами. А поход Ермака в Сибирь открывает новую страницу в освоении Урала русскими людьми. Эти процессы сопровождаются ассимиляцией местного населения и его внутренней миграцией. Русская культура (северно-русская и среднерусская) начинает адаптироваться к культуре местного населения и к культуре народов, участвовавших в заселении Урала: татар, марийцев, удмуртов, чувашей [Мурзина, 2008].

Новая веха в истории Урала – освоение его как промышленного региона. О том, что край богат металлом, было известно еще в VII-III веках до нашей эры. Археологи обнаружили много мест, где представители древних культур с успехом плавили и обрабатывали металл, уже тогда отделяя цветные и черные металлы друг от друга. Так что месторождения железных и медных руд были открыты в начале XVII века не «на пустом месте». Начинается строительство казенных металлургических заводов и административных центров, чему способствуют не только богатые рудные месторождения, но и доступное топливо, а также судоходные реки, удобные для транспортировки готовой продукции в центральные районы страны. Однако заводы XVII века можно назвать скорее примитивными «мужицкими заводиками». Истинная же промышленная колонизация края, повлекшая новую волну заселения региона, начинается в петровскую эпоху. На Урал шли мастеровые и крестьяне в поисках лучшей доли, отправлялись рабочие с уже существовавших металлургических заводов центральной России: из Тулы и Олонца – выписывались из Москвы, однако основной массой работников были все же крестьяне окрестных слобод.

Начало строительства горных заводов совпадает со временем гонений на старообрядцев, которые, спасаясь от репрессий, уходили в уральские леса. Для промышленников приход этих умелых и работающих людей был как нельзя кстати. «Раскольники были отличными работниками, самыми надежными поставщиками разных припасов и особенно были полезны по части приискания новых руд» [Сонин, 2008, 245]. Не зря Д.Н. Мамин-Сибиряк писал о промышленной колонизации Урала: «почти все уральские заводы выстроены раскольничьими руками» [Мамин-Сибиряк, www].

Важно отметить, что именно из среды староверов вышли многие образованные люди, социальная и политическая элита Урала: заводские приказчики, городские головы, меценаты. Купеческое сословие на Урале также практически полностью состояло из старообрядцев, так как «чужаков» кержаки (именно так именовали староверов на Урале, потому что многие из переселенцев были выходцами из района реки Керженец в Нижегородской области) к себе не пускали, а единоверцам, напротив, давали зеленый свет и содействовали становлению бизнеса. Основным средством развития торговли в то время были ярмарки, выполняющие еще и важнейшую функцию культурного обмена, общения с пред-

ставителями других регионов и стран и, как следствие, впитывание иноземных традиций и образцов поведения.

Раскольники стояли не только у истоков уральской промышленности, но и художественных промыслов: иконописи, художественной росписи, деревянной скульптуры, традиции которых кержаки принесли с собой на Урал и посеяли в благодатную мультикультурную почву. Широкое развитие получает культовая, меднолитая пластика, шитьё, вышивка. Особенно славились ризы к иконам, выполненные с использованием уральских полудрагоценных и поделочных камней.

При всей своей закрытости старообрядчество не являлось полностью замкнутой системой, его культурные традиции активно взаимодействовали с народной бытовой культурой. Примечателен тот факт, что традиционалистская установка старообрядцев способствовала не уничтожению, а, напротив, укреплению и консервации многих местных обычаев, поверий и представлений, причудливому переплетению христианских элементов с языческими. Возвращаясь к феномену пермской деревянной скульптуры, стоит отметить, что ее не признавала не только никонианская церковь (открытое осуждение видим в указе Синода от 21 мая 1722 года), отрицали ее и сами старообрядцы, усматривая недопустимое сходство с убранством католических храмов. До соответствующих указов Синода подобные пластические формы были широко распространены в Южной и Центральной России, где с помощью белорусских и украинских резчиков воплощались заимствованные от западных соседей приемы барокко, но именно в краю староверов – «ревнителей благочестия» – деревянная скульптура прожила вплоть до XIX века. Другой пример: в среде староверов очень плохо приживался чай, он считался напитком «нечистым», «проклятым». Но поток чая из Китая, который привозили на Ирбитскую ярмарку, пересекаясь с потоком металла (меди), фактически сделал именно горнозаводской Урал родиной русского самовара. Уральские староверы отстаивали свое право на употребление чая, т. е. местные купцы (которые, как мы уже знаем, в большинстве своем были старообрядцами), как это не парадоксально, укрепили традиции чаепития. Получается, что Урал представлял собой пример адаптации кержацких традиций к социокультурным реалиям горнозаводского края – уральские старообрядцы воспринимали и впитывали культурные новации, соответствующие духу времени и особенностям уральского быта.

Таким образом, индустриальную базу Государства Российского формировали люди, бежавшие от петровских реформ, дерзкие, но деловитые и творческие, являющиеся ревностными хранителями древних традиций, но вместе с тем открытые к новациям. Другому типу людей на Урале, видимо, и прижиться было бы сложно, так как в этот период формируется совершенно особый образ жизни и даже новый формат места обитания – «город-завод».

От существовавших до этого «мужицких заводиков» новый тип предприятий отличался как размерами, так и принципами работы: главной производственной силой тут был не ручной труд, а речной пруд. Город-завод – особое устройство поселения, при котором его центром становится плотина, перегораживающая реку, с возведенными вокруг нее завод-

скими корпусами. И уже дальше, вокруг – жилые избы, церкви, постоянные дворы, рынки, господские дома. Завод – сердце такого поселения, его душа. Вся жизнь проходит внутри и вокруг завода. Возникает социальная организация, совмещающая в себе крестьянские традиции с трудом на заводе, освоение природных богатств и горных недр, их промышленное использование и традиционный крестьянский быт. «Промышленная колонизация» формирует целый слой населения – «заводских людей» с особенной психологией и с особенным отношением к окружающему миру. Главное для них – это отношения человека с горой, с земным нутром (ниже увидим, что это важно для уральцев и сегодня), а основной ценностью является труд, основанный на постоянном преумножении знаний.

Выжить на Урале в XVIII веке было непросто: суровый климат, неплодородные земли, преследования со стороны властей. Беглые староверы, а вслед за ними и рабочие уральских заводов вынуждены были трудиться, из поколения в поколение формируя культ труда и особую трудовую этику. В отличие от крестьян, жизнь которых опиралась, прежде всего, на постоянство и традицию, рабочие уральских заводов вынуждены были постоянно стремиться к усовершенствованиям своей производственной деятельности и новациям. Промышленность не может успешно развиваться без постоянного технического прогресса, а он не возможен без приращения знаний. Надо отметить, что общий уровень грамотности заводского населения существенно отличался от остальной крестьянской России. «Горный устав» требовал, чтобы обучение проходили все дети мастеровых. Учили не просто грамоте – готовили Мастеров. Так, например, программа обучения в главной школе при Златоустовской оружейной фабрике включала, помимо высшей математики, черчения, геометрии и физики, «начальные основания химии, приносящая она, более всего, металлургии, первые основания Минералогии, часть Горного Искусства, языки: Французский, Немецкий и Латинский, Горную бухгалтерию, рисование» (из высочайше утвержденного доклада министра финансов о новом образовании Горного начальства и управления Горных заводов, 1806) [Окунцов, 2011, 42]. Такой культ знаний воплощается в феномене мастеров-самоучек, многие из которых превратились в легенду: отец и сын Черепановы, Ефим Артамонов, Егор Григорьевич Кузнецов-Жепинский, Иван Иванович Ползунов и многие другие. При этом стоит отметить важную особенность: несмотря на то, что источником новых навыков и технологий для уральцев практически всегда являлись иностранные мастера, а новые принципы и технологии обычно открывал кто-то извне, именно уральские инженеры и мастера-самородки придумывали, как применить новый принцип здесь и сейчас.

К XVIII-XIX векам на Урале происходит формирование особой – горнозаводской – культуры, ярким проявлением которой становится небывалый взлет народного творчества в его специфических «уральских» формах промышленного искусства и народных художественных промыслов. Народный промысел всегда духовно связан с породившей его средой. Он является воплощением коллективного творчества людей, объединенных устойчивым укладом жизни, школой, стилистикой, приемами художественного языка. Поэтому в уральских народных промыслах – камнерезный промысел, чугунное и бронзовое литье, подносный и

изразцовый промыслы, гравюра на стали, художественная роспись – воплотилось именно уральское понимание красоты и уральский образ творчества. Появляются Мастера, которые на протяжении лишь одного поколения поднимаются «в своем творчестве от знакомства с данной деятельностью и ученичества до массового производства признанных шедевров мирового искусства»: Худояровы, Бушуевы, Торокин, Тележниковы, Бояршинов, Перезоловы, Дубасниковы и многие, многие другие [Мурзина, 2008, 133].

Было бы, однако, несправедливо утверждать, что уральская культура – это исключительно плод петровской индустриализации в сочетании с традициями уральских кержаков. «Привнесенные со всех регионов России культурные традиции русских со временем гармонично наполнялись колоритом и традициями местных племен, переплетались и сплавливались в единое культурное русское пространство со своим своеобразием и оттенками» [Назаров, 2011, 7]. Это переплетение не прекратилось и в XX веке. Индустриализация 20-30-х годов породила новую формацию рабочего (для промышленного Урала именно рабочий по-прежнему оставался ключевой фигурой): изначально в поисках заработка, а потом, вдохновляясь идеями строительства нового мира, тянулись в города бывшие крестьяне. Крестьянские традиции накладывались на остатки былой купеческо-мещанской городской «роскоши»: бывшие купеческие хоромы нещадно превращались в коммунальные квартиры, а величественные городские храмы – в музеи и дома культуры, которые, надо отдать должное, служили для приобщения новоиспеченных горожан к передовым культурным достижениям. Сходные процессы происходили тогда по всей территории огромной советской страны, но, возможно, не случайно именно художественный образ Саши-с-Уралмаша воплотил в себе типичного представителя эпохи – человека, который мечтает о светлой и справедливой будущей жизни, лежа на нарах в холодном бараке.

Еще один этап, оказавший влияние на формирование уральской культуры, совпал со временем, когда регион в очередной раз стал востребован государством как опорный край – в годы Великой Отечественной войны. И снова наблюдаем микс национальностей и культур – эвакуация предприятий и населения из оккупированных территорий: большие потоки шли из Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Брянска, Ижоры, Колпино, Саратова, Харькова, Киева. К концу 1942 года на Урал приехало уже около 150 тысяч инженеров, врачей, художников, рабочих, артистов, профессоров. Большинство из них после войны по тем или иным причинам не смогли уехать обратно, волей-неволей обогатив Урал. К началу 1943 года число эвакуированных составляло уже около 10% от общего количества жителей Свердловска. Но везли сюда не только спецоборудование, станки и людей: МХАТ и Театр Советской армии, многие московские издательства, балетная труппа Большого театра, Херсонесский археологический музей, Эрмитаж, целый ряд вузов и многие другие учреждения поменяли «прописку» на уральские города. Кто-то развернул здесь полноценную деятельность (например, Свердловская киностудия, основанная силами эвакуированных из Москвы, Ленинграда, Одессы кинематографистов, снимает свой первый фильм в 1943 году), а, к примеру, эвакуированные сотрудники Эрмитажа в годы войны преподавали в местных вузах, не прекращая вести научные исследования. Пребывание сотрудников Эрмитажа

в Свердловске имело весьма важное и позитивное значение для города, а также для музейного дела региона. И горожане в меру сил приобщались к привезенной невольными гостями культуре, например, выменивая кусок хлеба на билет в кино (по стоимости они были примерно равны) – и это в период всеобщего недоедания! На еду, в свою очередь, выменивалось все остальное. Примечательный факт: единственное, что оставалось невыменянным, — это каслинское литье. Его было так много, что оно не было нужно никому. И еще поделки из камня – во время войны на Урале они также были совершенно не нужны [Буценко, Кириллова, www]. Пожалуй, это был один из немногих периодов в истории Уральского края, когда уникальные образцы промышленного искусства были совершенно не востребованы.

Воплощение особенностей культуры Урала в современном декоративно-прикладном искусстве и социокультурных практиках туризма и гостеприимства

Отрадно, что сегодня мы видим абсолютно другую картину: возрождение интереса к феномену горнозаводской цивилизации и его проявлениям, в том числе в образцах народных художественных промыслов, актуализация наследия уральских писателей и художников. Яркие проявления горнозаводской культуры, наложившиеся на древние традиции и архетипы, проявляются в творчестве многих современных уральцев.

Правда, нельзя сказать, что они не проявлялись и раньше. Достаточно проанализировать творчество П.П. Бажова, в произведениях которого воплотились мрачноватые архетипы горнозаводского Урала. Бабка Синюшка, сидящая в чудской копи – то ли баба Яга, то ли кукла-иттарама из финно-угорских святилищ. Огневушка-Поскакушка – Золотая Баба или чудская богиня огня Найки? Великий Полоз, похожий на древнего ящера или владыку подземного мира Хул-тура. Да и олень Серебряное копытце не кто иной, как Великий Лось, под копыта которого вогульские шаманы подкладывали серебряные иранские блюда. Ящерки, змеи, лебеди – вспомним, что всех этих существ мы встречали в изделиях Пермского звериного стиля.

Показательно и то, что лучшие иллюстрации к «Уральским сказам» П.П. Бажова были сделаны уральцем – художником, в творчестве которого воплотились и уральская мощь, и любовь к камню, и сила уральского характера. Работы Виталия Воловича несут в себе не мрачность, нет, а скорее суровость уральского человека, выросшего корнями в эту землю, а вернее, в «корявую уральскую породу».

Специфика менталитета горноуральца, особое мироощущение ярко проступает у Эрнста Неизвестного, скульптуры которого словно высечены из цельного куска уральской руды. Эта же грубоватость и мощь присутствуют в картинах Г. Метелева и М. Брусиловского.

Связь с уральскими традициями прослеживается в современном декоративно-прикладном искусстве. Пермский звериный стиль воплотился в коллекцию уральской бронзы Ю. Крутеевой (исполнитель Н. Предеин), знаменитая «тагильская роза» подносного про-

мысла – в стекло Л. Горбач, любовь к металлу – в кованные яблоки А. Лысякова и игрушки А. Потаскуева, трепетное отношение к камню – в каменные цветы Д. Богомазова.

Уральская особость воплощается и в характере местных жителей, в особой уральской идентичности. Подчинившие природу уральцы живут не землей, а недрами горы. Беря ее богатства, отдают ей силы и человеческое счастье. И хотя жизнь крупных уральских городов уже не столь зависит от подземных недр, но даже туристская деятельность на современном Урале во многом строится на основе генетической связи с горой. Едва ли не первое, что мы показываем приехавшим в Екатеринбург туристам – место гибели царской семьи, и именно это событие – главная ассоциация с городом у многих его гостей. Леонид Салмин, комментируя это, отмечает: «Неосознаваемое в своей огромности значение подземелий и могил как мест средоточия «сокровищ» (т. е. сакрального достояния города) приводит к постоянному использованию их в качестве ресурса городского имиджбилдинга» [Салмин, 2010, www]. Вспомним, что и в творчестве П.П. Бажова все самое ценное и важное находится «в горе». Не в этой ли тяге к подземельям (подземелье – не только место средоточия кладов и богатств, но и потусторонний, загробный мир) и кроется причина андеграудности, мрачности и грубоватости, танатологических наклонностей, выразившихся в творчестве многих гениальных уральских деятелей: Николая Коляды, Бориса Рыжего, Алексея Балобанова, некоторых представителей екатеринбургского рок-движения.

Однако если с точки зрения развития туризма ориентация в «подземелье» служит не лучшую службу региону, то образцы декоративно-прикладного искусства, воплощающие в себе элементы культур разных народов, могут (и должны!) использоваться с ощутимой пользой. Это особенно значимо в современном глобализированном и мультикультуральном обществе. В декоративно-прикладном искусстве Урала практически каждый найдет что-то близкое и родное (вспомним про итальянцев, о которых шла речь в начале статьи), но в то же время познакомится с новой для себя, необычной, неординарной интерпретацией. К сожалению, пока потенциальные возможности региона в этом плане используются далеко не в полную силу. И хотя уральская самобытность находит отражение уже в современном декоративно-прикладном искусстве, о чем было сказано выше, но практически не проявляется в сувенирной продукции (за исключением бажовских ящериц, малахитовых шкатулок, к слову, из заирского материала, и обилия камня зачастую не в самых интересных его проявлениях). В то же время народное искусство может войти в современную жизнь через самые разные каналы: правильным решением было бы использование его в интерьерах гостиниц и ресторанов. Этому уже есть неплохие примеры, в частности кафе-музей «Демидов» в Екатеринбурге, концепция которого предполагает не только знакомство гостей с традиционной русской кухней, но и с интереснейшими образцами уральского промышленного искусства. Подобным примером могли бы вдохновиться дизайнеры современных отелей (использовать элементы чугунного литья, мотивы традиционной уральской домовой росписи), так как у гостей региона есть запрос на аутентичность. Можно привести в пример реальную заявку туристов из Китая, поступившую несколько лет назад одному из соавторов статьи: «Мы хотим жить в центре Екатеринбурга, но в традиционных русских/уральских

избах». Да и решение проблемы разработки логотипа Екатеринбурга, возможно, не стоит отдавать исключительно на откуп народного творчества и народного голосования, а доверить специалистам, знакомым с историей края и традициями того же декоративно-прикладного искусства.

Заключение

Таким образом, культура Урала прошла длительный путь становления, впитав в себя культурные особенности многочисленных этнических групп, проживавших на территории региона в разные периоды времени. Однако она не является простой совокупностью этих элементов – на их основе под влиянием природных, социальных, исторических факторов сформировался специфический тип культуры – горнозаводская культура с особым характером ее представителей, особым отношением к труду, особыми формами декоративно-прикладного искусства (в том числе воплощенными в так называемом «промышленном искусстве»). В последнее время эти особенности стали предметом научного интереса, но еще ранее – материалом для переосмысления в творчестве современных деятелей культуры и актуальных формах декоративно-прикладного искусства. Перспективным также является использование этих особенностей в социально-культурных практиках туризма и гостеприимства, однако последнее требует серьезной рефлексии и работы со стороны представителей власти и бизнеса.

Библиография

1. Буценко А., Кириллова А. Лучшие картины Эрмитажа, спецтехника и десятки заводов. Как эвакуация в военные годы навсегда изменила жизнь Свердловска. URL: <http://66.ru/news/society/183966/>
2. Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь: Книжный мир, 2005. 232 с.
3. Иванов А. Уральская матрица. Цикл очерков. URL: http://royallib.com/book/ivanov_aleksey/uralskaya_matritsa.html
4. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
5. Мамин-Сибиряк Д.Н. Город Екатеринбург. Исторический очерк. URL: <http://m-i-e.ru/articles/mamin-sibiryak-d-n/>
6. Мурзина И.Я. Очерки истории культуры. Екатеринбург: Форум-книга, 2008. 412 с.
7. Назаров А.Г. Народные промыслы каменного пояса. Реж: Лазурь, 2011. 183 с.
8. Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. М.: Вече, 2011. 256 с.
9. Салмин Л. Екатеринбург. Имидж города и опыт культурно-символического позиционирования // Eff. Communications. 2010. № 1(5). URL: <http://eff-com.ru/archive/issue5/image/Ekaterinburg-image-goroda-i-ikulturno-istoricheskoe-pozicionirovanie-2.html>

10. Сонин Л.М. Тайны седого Урала. М.: Вече, 2009. 352 с.
11. Эренбург Б.А. Цивилизация Хранителей. Язык звериного стиля и значения фигур. Пермь: Сенатор, 2013. 80 с.

Mining and metallurgical culture of the Urals: the crossroads of civilizations

Ol'ga V. Kruteeva

Postgraduate,
Humanitarian University,
620041, 3 Zheleznodorozhnikov st., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: kruteevaolga@mail.ru

Ol'ga Yu. Minina

Postgraduate,
Humanitarian University,
620041, 3 Zheleznodorozhnikov st., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: o-minina@mail.ru

Abstract

The article investigates the phenomenon of the Ural culture, factors that influenced its formation and have led to its identity. From the historical point of view the authors consider the interpenetration of ethnic and regional cultures throughout the development of the Urals representatives of different nations and ethnic groups. The article also notes the impact of natural and social factors in the formation of the mining and metallurgic culture of the region. It emphasizes the role of the Old Believers, and Peter's industrialization in the development of mining and metallurgical characteristics of the culture. The authors also point out manifestations of original culture of the Urals in the nature of the Ural people, in its folk arts and crafts. They underline that it is not so much about their traditional incarnation, but to a greater extent about the interpretation of traditions and culture of the Urals archetypes in contemporary art. Additionally, the article raises questions on the possibility of preserving this wealth through social and cultural practices of tourism and hospitality. The authors mention the problem of image building of Ural cities (including the point of tourism development), suggest possible ways of working for a more complete disclosure and representation of the features of the Ural culture in modern socio-cultural practices of tourism and hospitality.

For citation

Kruteeva O.V., Minina O.Yu. (2016) Gornozavodskaya kul'tura Urala: perekrestok tsivilizatsii [Mining and metallurgical culture of the Urals: the crossroads of civilizations]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6 (5A), pp. 305-316.

Keywords

Culture of the Urals, mining and metallurgical culture, tradition, archetype, folk arts and crafts, social and cultural practices, tourism, hospitality.

References

1. Butsenko A., Kirillova A. *Luchshie kartiny Ermitazha, spetstekhnika i desyatki zavodov. Kak evakuatsiya v voennye gody navsegda izmenila zhizn' Sverdlovsk* [The best pictures of Hermitage museum, vehicles and dozens of factories. How the evacuation during the war changed the lives of Sverdlovsk forever]. Available at: <http://66.ru/news/society/183966/> [Accessed 26/09/16].
2. Erenburg B.A. (2013) *Tsivilizatsiya Khranitelei. Yazyk zverinogo stilya i znacheniya figur* [Civilization of Keepers. Language of the animal style and value of figures]. Perm: Senator Publ.
3. Golovchanskii G.P., Mel'nichuk A.F. (2005) *Stroganovskie gorodki, ostrozhki, sela* [Stroganov towns, outposts and villages]. Perm: Knizhnyi mir Publ.
4. Ivanov A. *Ural'skaya matritsa. Tsikl ocherkov* [Ural matrix. The series of essays]. Available at: http://royallib.com/book/ivanov_aleksey/uralskaya_matritsa.html [Accessed 25/09/16].
5. Kosarev M.F. (2003) *Osnovy yazycheskogo miroponimaniya: po sibirskim arkheologo-etnograficheskim materialam* [Fundamentals of pagan worldview: Siberian archaeological and ethnographic materials]. Moscow: Ladoga-100 Publ.
6. Mamin-Sibiryak D.N. *Gorod Ekaterinburg. Istoricheskii ocherk* [Yekaterinburg city. Historical Review]. Available at: <http://m-i-e.ru/articles/mamin-sibiryak-d-n/> [Accessed 26/09/16].
7. Murzina I.Ya. (2008) *Ocherki istorii kul'tury* [Essays on the history of culture]. Ekaterinburg: Forum-kniga Publ.
8. Nazarov A.G. (2011) *Narodnye promysly kamennogo poyasa* [Handicrafts of the Stone Belt]. Rezh: Lazur' Publ.
9. Okuntsov Yu.P. (2011) *Zlatoustovskaya oruzheinaya fabrika* [Zlatoust arms factory]. Moscow: Veche Publ.
10. Salmin L. (2010) Ekaterinburg. Imidzh goroda i opyt kul'turno-simvolicheskogo pozitsionirovaniya [Yekaterinburg. The image of the city and experience the cultural and symbolic positioning]. *Eff. Communications*, 1(5). Available at: <http://eff-com.ru/archive/issue5/image/Ekaterinburg-image-goroda-i-ikulturno-istoricheskoe-pozicionirovanie-2.html> [Accessed 21/09/16].
11. Sonin L.M. (2009) *Tainy sedogo Urala* [Secrets of the grey Urals]. Moscow: Veche Publ.